

Линия подбородка выдаёт вернее всего. Смотришь на своё отражение в тёмном стекле айфона и замечаешь всё то, что публично в себе ненавидишь, то, с чем на самом деле давно уже смирился: мрачное от хронического недосыпа усталое лицо человека, продолжительное время не поднимавшего на регулярной основе ничего тяжелее чайника. Того, кому надо бы меньше жрать, начать отжиматься, качать пресс, завести женщину. Обязательно уточняешь: для регулярных заплывов на долгие двух-, трёхчасовые дистанции. Это метафора. Хотя бассейн — тоже здравая мысль.

Идея покончить с одиночеством оформилась в июне, месяц тому назад, когда, плавно прокручивая ленту фейсбука, я увидел фото молодой парочки, странной даже для этого виртуального кладбища остатков веры в человечество. На юноше был светлый клетчатый пиджак, под ним — белая хлопковая сорочка с голубым шейным платком, а на голове — маленькая зелёная шляпа с короткими полями. Его подруга — вся в белом, усеянном мелкими синими цветочками, сарафане, с неожиданной подростковой невидимкой в коротких стриженных волосах. Юноша был сыном моего старого приятеля, с которым мы водили дружбу ещё с институтских времён.

Парочка выделялась на фоне унылых переpestов своей вызывающей демонстрацией счастья, радостью, впечатанной в саму плоскость снимка, такой естественной и незамысловатой, какая бывает только у собак, влюблённых и идиотов. Я подумал странное: «вот они — вместе». И от этого чужого слова стало вдруг как-то особенно грустно.

Я смотрел на них, а они на меня, и я пытался представить какой он — этот двадцатипятилетний мерчендайзер, прорвавший каким-нибудь ранним утром причинно-следственную ткань своей незамысловатой жизни тем, что не выпил чашку приготовленного мамой какао или тем, что решил выйти под дождь без зонта. И что он говорил этой смелой папиной дочке, каких детей кукурузы расписывал, чтобы она вот так ухватилась за его, как ей теперь кажется, мужское плечо?

Я сохранил фото, открыл его в локальном альбоме, приблизил до оплывших от оптимизации пикселей, подвигал изображение

пальцем. Мне стало скучно. Я выключил айфон и сузил его во внутренний карман пиджака.

Это было в понедельник на утренней летучке, месяц тому назад. Шеф по обыкновению вдохновлял нас обещаниями премий и грядущими августовскими отпусками. В обед я полез гуглить ближайший бассейн и зарегистрировался на сайте знакомств. Анкета получилась бодрой, наврано было немного, скорее, даже не наврано, а припорошено лёгкой многообещающей неопределённостью. Так, чтобы потом не краснеть, если дело дойдет до отношений. О себе соорудил следующее: «Я никого не ищу, мне близка простая восточная мудрость: то, что моё, от меня не уйдет, а то, что ушло, моим никогда и не было». Это сочетание отрицания и сопливой, протёртой до дыр профанации Дао должно было стать прекрасной наживкой для женщин, реагирующих на фокусы реверсивной психологии и при этом предрасположенных к элементарному абстрактному мышлению.

С фото пришлось повозиться. Подходящих не нашлось. Пошёл в пустую переговорку делать селфи. Гримасничал, подтягивая неестественной улыбкой наметившийся второй подбородок, расправлял плечи, старался выглядеть непринуждённым. Пару раз чуть не попался, но дело сделал. Выбрал три довольно-таки приличных фотографии, прогнал их через фильтр инстаграма, залил на сайт и уехал на встречу.

Ехать пришлось долго, через пробки и переулки, практически вслепую, ориентируясь исключительно на голос навигатора. Устал жутко, потому после, как оказалось, необязательного десятиминутного обмена любезностями и документами возвращаться в офис не стал, поехал сразу домой. На Белорусской площади привычно встал у светофора. Образовалась неизбежная пауза, одноимённая вакууму будничной вечерней усталости, в котором, как в покачивающемся проявителе, медленно проступили двое с фейсбуковского фото. Парень в полосатом пиджаке с голубым шейным платком и его подруга в белом сарафане. Я наморщил лоб, вспоминая, на фоне чего они были сфотографированы. Подумал, что хорошо бы, если бы это было у моря. Например, в Ялте. Ялтинское побережье. Я помню контур этого места. Проверять не стал. Было лень доставать

айфон. Мозг тут же по привычке выдал креативное оправдание. «Пока не вижу оригинал, — подумал я, — волен достраивать, перестраивать и толковать изображение, как мне вздумается... Как с котом Шрёдингера... Например... Они гуляли по набережной... Он выпендрился, как это любят столичные мальчишки, приезжая в провинцию — шляпа, пиджак, а она... Она живёт на Массандре — они ведь именно так и говорят “на Массандре”, — на улице Щорса...»

Я рассмеялся: «На Щорса? Серьёзно, на Щорса? Там, наверное, и улицы такой нет...» Сзади взвыл клаксон, я глянул на светофор и рванул вперёд, налево, на мост, ускоряясь, обходя ленивых и нерасторопных. Захотелось поскорее скинуть костюм, сорвать галстук, швырнуть в корзину с грязным бельём сорочку и — под прохладный, густой тропический душ.

Моя однушка — образец педантизма. Но отнюдь не потому, что я — любитель подумать над горой мокрой посуды или нахожу медитативной траекторию движения швабры по поверхности керамического пола кухни, устроенной по американскому образцу. Это противоестественное для половозрелого мужчины стремление к порядку — результат двухлетней дрессуры моей бывшей недожены, при воспоминании о которой во рту появляется привкус, должный по логике напоминать какой-нибудь гадкий колдовской ингредиент. На самом деле, всё не так уж и плохо. Мои красные полотенчики и фарфоровые — строго для чая — чашки магическим образом действуют на девушек, бывающих у меня исключительно транзитом, по дороге из клуба домой, к невыспавшимся расстроенным родителям.

В тот вечер я, мокрый и голый, вышел из душевой кабины и, не касаясь полотенца, оставляя следы на блестящем ламинате, пошёл в кухню открывать вино. Это было очень, очень неаккуратно. Я тянул время. В комнате меня ждал ноутбук, подключенный к интернету, в котором дрейфовала гружёная отборными незамужними барышнями «Мамба» — сайт знакомств, в котором я днём разместил анкету. Интрига была не в том, чтобы кого-нибудь снять — с этим я справлялся неплохо и без чьей-либо помощи, — а в том, с какой целью затевалось это сомнительное знакомство. Захотелось — с чистого листа и хотя бы месяц — только театры, прогулки и разговоры. Ничего больше. Мне самому всё это казалось маловероятной и абсолютно ненужной при моём стабильном образе жизни авантюрой. И не то чтобы я этому противился, но и не

спешил, наливая в фужер рубиновое «Ламбруско», распаковывая кус пирога с мясом, купленный по дороге в универмаге.

Приблизительно через пятнадцать минут мне надоело гримасничать, я принёс из комнаты ноутбук, открыл его и запустил браузер.

За день в гостях у меня побывали двенадцать разнокалиберных кандидаток, три из которых оставили сообщения. Сразу читать их не стал, пошёл по анкетам, в основном, смотреть фото. Через полчаса общая ситуация с местным контингентом мне была более или менее понятна.

Внизу пищевой цепочки располагались толстушки. На фото они разнообразными способами пытались скрыть свою избыточность. Далее шло колоритное разнообразие загадочных персонажей, так и не освоивших нехитрое искусство быть женщиной в том смысле, в котором неизбежен доморощенный хэппи-энд под крики «Горько!», танцы и положенный в таких случаях мордобой. Здесь размещали фото в свадебных платьях с отпиленными бывшими, предпочитали естественный голубоватый цвет лица, фотографировались с синяками, явно искусственного происхождения, во взглядах периодически читался сдавленный обстоятельствами крик о помощи. В этой категории было всё: демонстрация увядающей плоти, отсутствие косметики не только на лице модели, но и в мировом пространстве вообще, компании странных мужиков с подписью «мои братишки» и много того, о чём стараешься забыть сразу, дабы не разочароваться окончательно в необходимости связи человека с человеком. В верхних слоях этого, обложенного сервисами и платёжными системами виртуального водоёма, естественным образом обитали гламурные самки — эдакие паразитирующие на мужской похоти хищницы. Здесь было много селфи, фитнеса, силикона и, как следствие, у каждой своё культивируемое мужское стадо. Отдельно и вполне себе честно появлялись и гасли уничтожаемые модераторами анкеты проституток. Эти выставляли себя на манер обитательниц Квартала Красных фонарей и сразу обозначали условия и тарифы.

Между самками, простутками и проститутками располагалось пространство вариантов, где можно было попытаться найти ту, которая по неопытности, уму или природной брезгливости не примкнула ни к тем, ни к другим, ни к третьим.

Напоследок я открыл раздел присланных сообщений. Третье было от Насти. «Мне кажется, мы с вами похожи, — писала она, — будете здесь, отзовитесь».

С самого начала она повела себя неправильно. Сразу поверила в моё респондентское сочинение и тут же отозвалась – «чтобы не потеряться». Её наивная откровенность и естественная природная привлекательность оказались сильнее моего лужёного цинизма. Я думал о ней весь следующий день. Вернее, не то чтобы думал – думать было не о чем – она как бы присутствовала в окружающем пространстве. И это присутствие каким-то странным образом делало бессмысленным дальнейшее моё пребывание в «Мамбе».

Вечерняя проповедь шефа по случаю отбытия в Эмираты не показалась тупым упражнением в риторике только потому, что давала возможность всё обдумать. Вернувшись за компьютер, я открыл анкету Насти – она была в сети – кликнул на кнопку и набрал в открывшемся чате: «Привет. Как насчет кофе?» Ответ появился тут же: «Да». И через минуту: «В 18.30 на Смоленской, у паба “Джон Булл”. Удобно?» Мне было удобно.

На Смоленке я был за девять минут до условленного времени. Припарковался у «Пассажа», нырнул в переход, вынырнул, зашёл в паб, сел за столик у окна и увидел её. Она стояла за стеклом, на площади перед выходом из метро, похожая на большинство своих фотографий. В белой футболке с Бобом Марли и тех самых дырявых голубых джинсах, в которых была на фото из Амстердама. На запястье левой руки вместо ожидаемой фенечки переливались тонкие кольца серебряного браслета. Я смотрел, как она говорит по телефону, блуждает взглядом среди прохожих, высматривая меня, поправляет волосы, и думал, что её имя ей не подходит. Никак, ни с какой стороны. Она должна была быть Ленкой, Люськой, Алёнкой, но не Настей. Настя, Анастасия должна была быть – или стать в итоге – шатенкой с тонкими щиколотками и миндалевидными глазами, такая породистая дрель с потенциальным титулом в багаже. А эта была – воздушный шарик. Без царя в светловолосой голове. Так мне тогда показалось.

Будто почувствовав мой долгий взгляд, она обернулась и увидела меня. Секунды три мы смотрели друг на друга, она – сверяя оригинал со мной воображаемым, а я – наблюдая этот трогательный процесс. Наконец, она растянула губы в неуверенной улыбке, ткнула пальцем в мою сторону, улыбнулась шире, веселее, я понял, что опознан, и помахал ей рукой. Она кивнула и тут же пропала из виду. Я подумал,

что она забавная и вечер как минимум обещает быть нескудным.

– К вам можно?

Я оглянулся. Она уже была рядом, смотрела на меня, улыбаясь, открытая, красивая, успешная поймать ресницами несколько капель неожиданного вечернего дождя.

– Да, пожалуйста, – ответил я.

– Спасибо! Я – Настя, а вы – Андрей?

– Я... Андрей.

– Очприятно, Андрей.

– И мне, – улыбнулся я, – не разделите ли со мной трапезу?

– Отчего же не разделить? – она уселась напротив и, не сводя с меня глаз, подняла руку, подавая знак проходящему мимо официанту. – Можно меню? Вы, однако, рано. Пришли посмотреть на меня заранее?

– Вы, я вижу, тоже не припозднились, – улыбнулся я, глядя, как она мгновенно увлеклась цветными картинками в поданной ей карте вин. – А что было бы, если б я вам не понравился?

Она рассмеялась:

– Сделала бы вид, что не узнала, и быстренько бы смылась.

К нам подошла высокая красивая азиатка и спросила, готовы ли мы сделать заказ.

– Мне, пожалуйста, креветок с рисом и большой стакан томатного сока, – сказал я.

– Мне то же самое, – сказала Настя, закрывая и протягивая азиатке меню.

Та кивнула, забрала буклет, повернулась и, демонстрируя породистую грациозность, пошла к стойке бара. Секунду я любовался её густой конской гривой, зачёсанной в тугий узел на изящном затылке над белым кружевным воротничком.

– Ну да, она очень хороша, – заметила мой взгляд Настя.

– Я разве что-то сказал? – улыбнулся я.

– По-моему, очевидно... Но ведь вы же понимаете? Это простая месть.

– Кому?

– Нам с вами. Вы родились в Москве?

– Нет, но живу здесь лет десять.

– Всё равно. Я бы насторожилась. Это опасная привлекательность.

– По-моему, любая красивая женщина опасна. Такая сингулярность в подарочной упаковке, – сказал я. – Подойдёшь слишком близко, затянет так, что костей не соберёшь.

– А сингулярность – это, простите, что?

– Чёрная дыра.

Настя расхохоталась:

– Что ж, весьма символично! Значит, я не ошиблась.

– В чём?

– С вашим буддизмом.

– Правда? Интересно. Значит, вы любите загадки?

– А кто не любит?

– Я, например.

– Неудачный пример. Вы как раз самый главный загадочник.

– Ну да, наверно только в углу этого ресторана.

– Да хотя бы и так.

– Хорошо, если вы так хотите.

– Ну вот видите! Вы слишком быстро согласились. Это неспроста.

Мне вдруг пришла в голову забавная идея.

– В шахматы играете?

– Не особо, – улыбнулась она.

Я достал из кармана айфон и положил его перед собой:

– Вот вам загадка... Даже не загадка. Игра. Любите игры?

Настя неуверенно кивнула.

– Ну, смотрите. У меня в телефоне есть фото из интернета. Там парень с девушкой. Стоят в обнимку на набережной. Я о них почти ничего не знаю. Скажем так, без деталей. Я придумываю историю. Как познакомились, как появилась фото. Фокус в том, чтобы на них не смотреть. История с плавающей точкой. Понимаете? Ну, чтоб понятнее было... Билет с открытой датой. Кот Шрёдингера. Слышали о таком? Был такой мужик...

Настя улыбнулась:

– Не до такой степени я блондинка, – и передразнивая меня, – Был такой мужик...

– Хорошо... Был такой физик Эрвин Шрёдингер, создатель квантовой механики.

– А вы физик?

– Нет, но закончил физфак.

– Круто.

– Ну вот... Когда он рассказывал студентам о Принципе Неопределённости, он приводил пример с котом. Кота закрывают в металлическом ящике с... с отравленной едой. Мы никогда точно не знаем, жив он или нет, потому что нам неизвестно, притрагивался он к еде или нет. Получается, что кот одновременно и жив и мёртв. Система выбирает одно из состояний в тот момент, когда происходит наблюдение. Понимаете?

Она отрицательно мотает головой.

– Проще говоря, пока нам не известны детали – сюжет и персонажи вариативны. Можно придумать всё что угодно. Потом сравнить с оригиналом. Можем попробовать вместе, если хотите. Я вам покажу фото один раз, и начнём. Как вам идея?

– Можно попробовать.

– Что так неуверенно?

– Котика жалко.

– Какого котика?

– Который в коробке. И ещё я дико хочу сбежать от этой вашей гейши.

– Почему моей?

– Показывайте мне вашу парочку. А сколько нужно на них смотреть?

Душ полночь – это отдельная тема. Ты вваливаешься в прихожую в низколетающем состоянии, похожий тупым упорством на пикирующий бомбардировщик. У тебя одна цель и задача – дотянуть до кровати. Любой ценой. Без сопутствующего ущерба. Ощущаешь вялую работу рефлексов. Всё ещё помнишь, что в природе существует такое зло, как утреннее похмелье – неизбежное последствие не предусмотренного эволюцией агрегатного состояния человека. И уж если попал, стараешься не усугублять последствиями временного отказа своей навигационной системы. Где-то на полпути, ухватившись за дверную ручку ванной, неожиданно поворачиваешь, на ходу избавляясь от одежды и... О, Господи! Какое блаженство!

Немного выше солнечного сплетения я чувствовал тепло какой-то внезапно заработавшей радиолампы. В моей жизни начиналось что-то важное. Я улыбался. Той самой глупой улыбкой, какая бывает у собак, влюблённых и идиотов.

Мы расстались около полуночи подле её подъезда. Именно подле, а не возле, следуя этимологии этого забытого слова. Такая необходимость казалась верхом несправедливости, как, наверное, ей – моё странное нежелание целовать близкие, не потерявшие детского очертания губы, раскрывшиеся у самой моей щеки, когда мы стояли на эскалаторе. Желание было. Будь мне мои двадцать пять, я бы не бросил машину у метро, мы бы летели за сотню по Кутузовскому, и стоял бы я в этом душе не один. Но чем больше я понимал её особенность, тем больше отстранялся, значительным усилием воли требуя от себя соблюдения предварительного условия – никакой физики в самом начале. Одного я не учёл. Всё моё опытное обаяние было в деле, и результат не соответствовал намерению. Сторона напротив стучала настойчивым осязаемым сердцем под приподнятым на сосках лицом Боба Марли, яростно требуя моих рук, зачем-то рисующих в воздухе какие-то каракули о моём прошлом, теперь уже бесцветном без неё. Ощущение было... как родиться глухим, долгую жизнь не зная, что такое звук, и вдруг услышать музыку. А это ведь и вправду была музыка, потому что, оторвавшись от меня, поднявшись по ступенькам, открывая подъездную дверь, она

оглянулась, и не было в её взгляде ничего, кроме благодарной влюблённости.

С большим красным полотенцем на плечах я вышел из ванной, посмотрел на себя в зеркало и, удовлетворившись увиденным, пошёл в спальню. Дёрнул дверь на себя зачем-то сильнее обычного и хорошенько, до искр в глазах, прошёлся острым углом по мизинцу правой ноги. Боль была чудовищной. Я сморщился, но сдержался. «Вот она, зрелость, – подумал я вдруг. – Когда больно с размаху врезаешься в дверь и не мечтаешь её тут же испепелить, а ковляешь мимо. Когда уже некого винить, кроме самого себя. А так иногда хочется...»

Не включая свет, я повалился на охнувшую матрасом кровать, ухватил и подтащил под голову подушку. Ровное кружение потолка замедлялось. Подгоняемая ноющей болью эйфория выветривалась вместе с остатками алкоголя. Я стал вспоминать и вслушиваться в то, что она говорила.

– Ну, давай историю знакомства. Настя!
– Погоди.

Мы остановились на Крымском мосту над вечеряющей рекой с прогулочным теплоходом посередине. Теплоход назывался «Юнга».

– Настя, у тебя есть комплексы?

– Погоди-погоди, – она обняла меня и уткнулась лицом в расстёгнутую сорочку. – Текила была лишней.

– Да, – сказал я, и мы оба рассмеялись, она – не поднимая головы.

– А почему ты спросил про комплексы?

– А вон видишь, Юнг поплыл. Карл Густав, – я кивнул в сторону теплохода. – Это он их придумал. Коллективное бессознательное. Хорошее определение, актуальное.

– А ты либерал? – она вскинула голову и с пьяным осуждением уставилась на меня.

– Я – что? – спросил я. – А-а... Мне не нравятся хардкорные игры.

– Почему игры? Всё оч серьёзно.

– Ну вот поэтому и не нравится. Ты не отвлекайся давай.

Она сделала шаг в сторону, раскинула руки и, перекрывая шум автомобильной толпы, заполонившей проезжую часть моста, запрокинув голову, закричала кому-то вверх:

– Россия, вперёд!

Я поймал её за руку и притянул к себе:

– Это нечестно! Давай свою историю. Иначе котик сдохнет.

– А котик ещё не сдох? – она плаксиво выпятила нижнюю губу и тут же без какого-либо перехода, поменяв тон и выражение лица, серьёзно сказала: – Ну ладно, слушай.

Взяла меня под руку и повела дальше, к ЦДХ:

– А ты носишь боксеры или стринги?

– Настя!

– Ну хорошо-хорошо. Больше не буду. Может быть... Ладно... Представь себе море, дикий пляж, начинается дождь.

– Почему дождь?

– Не перебивай, пожалуйста, – сказала она, – я так хочу. Пусть будет дождь. Просто слушай.

– Хорошо.

– Да! Предложи имя.

– Настя.

– Нет! Настя занято. Пусть будет Лена. А его назовём Антон.

Снаружи, за поверхностью воды, шелестел дождь. А здесь, под водой, была полная, безоговорочная тишина. Ленка подняла голову и увидела переливающиеся размытые пятна света. Она едва касалась дна – волнообразное движение воды заставляло постоянно корректировать положение тела, но воображение рисовало её стоящей на дне далёкого Южно-Китайского моря в одном ряду с терракотовыми воинами императора Цинь Шихуанди. Воздуха хватало на полторы минуты. Потом резкий толчок вверх, несколько сильных ударов ногами – и она взлетает, поднимается почти по пояс над поверхностью кипящего от дождя моря. Ложится на воду, раскинув руки и ноги, подставляя себя каплям, закрыв глаза, слушая шелест слияния двух вод – небесной и земной, пресной – чистой, светлой, и – солёной – тёмной, освоенной, опасной.

– Эй, вы там не тонете?

Ленка вздрогнула, открыла глаза, повернула голову и увидела на берегу человека с каким-то неестественно белым на фоне прибрежного ландшафта зонтом. Он стоял над её одеждой: шортами, футболкой, трусиками, прикрытыми целлофановым пакетом, и, судя по наглой физиономии, никуда не собирался уходить...

– А ничего, что терракотовых воинов закопали, а не утопили? – спросил я.

– Вот не мог промолчать? – рассердилась Настя. – Ты же сам сказал, если у истории нет живого свидетеля... Короче... Жила-была девочка – серая мышка, мечтала, училась на филфаке и вдруг встретила принца...

– С белым зонтом.

– Почему с белым зонтом?

– Ну, по ходу нарисовалось.

– Пусть будет с белым зонтом. Они сделали сэлфи, выложили фотки на фейсбук и жили долго и счастливо. Конец истории.

– Ну-у-у. Так не пойдет!

– Сам виноват... Обидел птичку.

– Начало – прям супер. Дождь, море... Не-не-не, это не конец... Слушай...

– Что?

– На сколько ты сама научилась задерживать дыхание?

– Догадался, да?.. Давай ты. Ну её, эту выставку. Начинай!

– Историю знакомства? В смысле, про этих? Считаешь, это круче гиперреализма?

– Однозначно! Гиперреалисты никуда не денутся, в следующий раз сходим.

– Ты забавная, знаешь об этом? Кстати, за тобой рассказ о том, где ныряла ты, – улыбнулся я. – Пойдем в кафе. Нужно взять кофе. Ничего, если это будет другая парочка, например, Роман и Катя? Ревновать не будешь?

– Буду. Однозначно.

Мы вошли в кафе, выбрали стол с видом на реку и заказали латте с банановым сиропом. Оба.

Огромный, в четыре человеческих роста, круглый металлический будильник с белым эмалированным циферблатом стоял на том месте, где должен был, по идее, стоять памятник Ленину, аккуратно напротив причала. Чёрные стрелки показывали восемь. Минутная уже коснулась двенадцати и как будто ожидала неторопливую секундную, встреча с которой должна была освободить взведенную пружину зуммера. Роман смотрел на секундную стрелку и считал вполголоса: 51, 52, 53, 54, 55... Паузы между перещёлкиваниями стрелки росли, удваиваясь с каждым разом, оттягивая неизбежное 56, 57, 58, 59... Последняя была самой длинной и самой страшной. Роман проснулся, посмотрел на нервно вибрирующий смартфон, взял его в руки, тут же переключился в лице и набрал номер:

– Дмитрий Владимирович! Алло! Вы звонили... Это Роман. Как в аэропорту? А который час? Вся трупша? В самолёте? Нет, не улетел я вчера. Кто это вам сказал? Алло! Дмитрий Владимирович, алло!.. А Виктор с вами? Рядом? А можете дать ему трубку?.. Вик? Что за долбаный розыгрыш?! Ну ты...Ну!.. В Москве поговорим!

В дверь постучали. Женский голос с той стороны поинтересовался:

– Номер сдавать будем? Уже двенадцать...

«Цирк уехал, клоуны остались», – пробубнил Роман, накинул халат и пошёл открывать дверь.

Через полчаса, выселенный из «Ореанды», он шёл по какой-то узенькой улочке в сторону, как ему казалось, канатной дороги. Воспользовавшись ореандовским вай-фаем, он успел купить билет на ночной рейс. Перед тем как заказать такси на Симферополь, решил покататься на канатке, под которой проезжал на служебном микроавтобусе каждое утро весь месяц гастролей. Рюкзак неприятно оттягивал плечо, желудок напоминал о необходимости позавтракать хотя бы в обед. Денег оставалось в обрез, и потому из всех возможных достопримечательностей самой желанной могла оказаться какая-нибудь затрапезная «демократическая» столовка. Роман шёл, уставившись в асфальт, изредка поднимая глаза на встречные вывески. Под одной из них стояла девушка в алых лакированных туфлях. Всего остального: белую блузку с коротким рукавом и серую узкую юбку можно было не заметить, но туфли прямо-таки пылали под полуденным ялтинским солнцем.

Девушка говорила по телефону, периодически произнося название отеля, который, судя по вывеске, громоздился за её спиной тремя этажами дореволюционной архитектуры. Роман подошёл, бесцеремонно заглянул в висящий на её груди бейдж и, дождавшись, когда она закончит разговор, спросил:

– А что, Светлана, есть места в этой вашей «Ставриде»? Кстати, прикольные туфли...

– А что – там есть такая гостиница? «Ставрида»? Действительно? А почему Светлана? Ты же собирался её назвать Катя? Кто такая Светлана? Это твоя бывшая?

– Стоп-стоп-стоп! Слишком много вопросов! Остановись... Хорошо, пусть будет Катя... Есть такая «Таврида», дореволюционная гостиница в Ялте. Раньше называлась «Россия». Я там останавливался... Слушай, а ты тоже фрукт! Без вопросов не можешь.

– Я же тебе писала: мы похожи, – улыбнулась Настя. – Что дальше?

– Дальше? Дальше я вижу в баре бутылочку «Куантро». Вот её мы и возьмём... И дорасскажем наши истории по очереди. Не перебивая друг друга. Как тебе такое?

– Я – за!

– Будьте любезны... – повернулся я к официанту.

– В этот раз ты первый, – сказала Настя. – Начинай.

– Бутылку «Куантро», пожалуйста, – бросил я парню с записной книжкой и огрызком карандаша.

Он кивнул и удалился. А я закрыл на секунду глаза, представил девушку в белом сарафане и красных туфельках на тонких длинных шпильках, спускающуюся по неровному наждачному асфальту к морю.

Катя спускалась по петляющей улочке к узкой полоске набережной, то и дело показывающейся в просветах между коробками домов. Дорога, бывшая и без того утомляюще крутой, теперь, с высоты десятисантиметровых каблучков, казалась просто отвесной. Спуск в таком положении напоминал ходьбу на ходулях: оступишься – и страшно подумать... Туфли были неудобными. Левая ещё с утра натёрла лопнувшую к обеду мозоль. Пришлось подложить под пятку выуженный из принтерного лотка, сложенный в несколько раз лист бумаги, а на правой в районе носка была царапина. Может быть, и не очень заметная с высоты человеческого роста, но была.

Он подошёл, когда она говорила по телефону. Переманивали в мини-отель, условия были шикарными. Не прекращая разговора, она повернулась к нему. Он ей показался симпатичным. Стильный клетчатый пиджак, смешные кучеряшки. Нарочито громко сказав «я подумаю», она выключила телефон.

– Привет. Прикольные туфли.

Через пять минут она знала, что он столичный артист, что выбирает отель и отказался от номера в «Ореанде», потому что там «слишком буржуазно», что ему необходимы воздух и вдохновение, что деньги – не проблема. И она кинулась показывать ему люкс, вид с балкона на канатную дорогу, патио с крытой террасой.

Он был фокусником того самого цирка, афиши которого висели на улице Пушкина. Первым делом он ей предложил сбежать с работы. Но она отказалась. Условились встретиться через три часа на набережной у памятника Ленину. Его было очень много, и когда он ушёл, Катя подумала, что в гостинице слишком пусто, и она бы скучала в пустом холле с большими круглыми часами под высоким потолком, если бы не воображение, развернувшееся в полную цветастую мощь после неожиданного знакомства с Романом.

В четыре пришла добрейшая Вера Ивановна, работавшая в «Тавриде» ещё до рождения Кати, и Катя отпросилась, вызвала такси. Наверх она летела на тарактящей «шестёрке». По Щорса на Войкова.

Дома – душ, новое бельё, белый в синих васильках сарафан и другие туфли.

– Слышь, ты! Отошёл от шмоток! Чё надо?! – Ленка решила не церемониться, её разозлило само явление этого зонтастого хмыря в такое неподходящее время. Как он вообще забрёл в эту глушь? Очень не хотелось выслушивать дебильный трёп вроде «Что делает такая красивая девушка в таком некрасивом месте?».

– Да ничего мне от вас не нужно, девушка. Шторм начинается, дождь, а вы в воде...

– Вот и чеши отсюда! Чё встал?

Выйти из воды Ленка не могла – здесь она обычно купалась голышом, и эта неожиданная беспомощность злила её все больше и больше. Вместо того чтобы нахамить в ответ и отчалить, хмырь рассмеялся:

– Пока не выйдете, не уйду. Начнёте тонуть, я хотя бы попытаюсь вас спасти.

– А ну пошёл отсюда, придурок! – заголосила Ленка, в сердцах ударила ладонями по воде, и её тут же, на вдохе, взмахом, накрыло волной и перевернуло. Она неожиданно оказалась под водой и потеряла ориентацию. Паники не было. Была досада. Интуитивно понимая, что спасение в непротивлении, она замерла, позволила воде приподнять её лёгкое тело и, уже почувствовав направление, рванулась в сторону, казавшуюся ей секунду назад низом.

Зонтастый бежал к ней. Без своего дурацкого зонта, снимая на ходу свой дурацкий клетчатый пиджак. Как был, в джинсах, кроссовках и рубашке, врезался в волну и поплыл. И это было кстати, потому что плавала Ленка не очень.

– Что-то мне всё это напоминает, – сказал я. – Рассказ какой-то, что ли? Это ты сама придумываешь или пересказываешь кого?

– Это игра, ты сам сказал. Твоя очередь.

– Ладно, – сказал я – Слушай. У памятника его не было. Она вспомнила, что забыла спросить, как его зовут...

– Ну, так не бывает! – перебила меня Настя. – Она бы его обязательно спросила. А потом окажется, что он – Потап, или какой-нибудь Филимон.

– Ты себя слышишь? – расхохотался я, – Филимон... У тебя самой – какой-то длинный чулок, Ленка-водолаз... Мы, кажется, договорились...

– Ну прости-прости...

– Ладно. В общем, она пришла на место встречи, а его там нет. Собралась уже уходить и слышит...

– Граждане отдыхающие и обитатели Ялты! Последний день с гастролями! – услышала

Катя знакомый голос, повернулась и увидела его выходящим из-за гранитного постамент. Рюкзака при нём не было, зато на курчавой макушке обосновалась маленькая зелёная шляпа с короткими полями. Такая, какими торгуют в рыночном павильоне у «Ореанды».

– Ну как тебе? – спросил он, приподняв шляпу и слегка по-чаплински поклонившись.

– Ничё так, тебе идёт, – улыбнулась Катя.

Что именно идёт, шляпа или эффектное появление, Роман уточнять не стал. Взял Катю под руку, и они пошли по набережной, болтая каждый о своём. Он – о том, какими пройдохами могут быть жонглёры, имея в виду своего приятеля Виктора, по милости которого остался в Ялте; она – о том, что мечтает устроиться в питерский «Бельмонд Гранд Отель», и сколько там ресторанов, конференц-залов, и какое оборудование в них установлено. У бывшего фонтана он взял её за руку и по тому, как она легко и охотно откликнулась на его прикосновение, понял, что не зря снял на сутки комнату на Маратовской. И подумал, что не скажет ей до последнего о том, что у него билет на ночной рейс, а потом пообещает позвонить и приехать. В общем, что-нибудь придумает.

Он остановился, вынул из кармана смартфон, притянул Катю к себе и сделал снимок. На фоне набережной с далёким ялтинским маяком на горизонте он – в клетчатом пиджаке, в маленькой зелёной шляпе, и она – в белом, усыянном мелкими васильками сарафане. Счастливые, в свой первый и последний день вместе.

– Грустно, – сказала Настя.

– Зато правдиво, – сказал я. – Твоя очередь.

Настя запрокинула голову, закрыла глаза, обхватила лицо ладонями и шумно вдохнула:

– Так...

Потом выпрямилась, взяла со стола бокал, немного отпила и, глядя на меня сквозь покачивающееся померанцевое «Куантро», сказала:

– А мой Антон её спас, вытащил из воды. Сначала обхватил одной рукой за голову сзади, как полагаются при спасении, а потом взял на руки...

Ленку била мелкая дрожь. Зонтастый выносил её из моря на руках. Страху было столько, что она не только не сопротивлялась, но даже, неожиданно для самой себя, прижалась крепче к его мокрой, пахнущей морем и одеколоном груди.

– Я – Антон, – зонтастый стащил с себя рубаху и накинул её ей на плечи.

Они сидели под его зонтом, болтая о терракотовых воинах и стилях плаванья, о том, какие они все эти «остальные», боящиеся большой воды и мелких неприятностей...

Настя замолчала.

– Всё? – спросил я.

– Пока да.

– Ну, а что было дальше?

– Не было, а будет, – улыбнулась она. – Что будет дальше, зависит от тебя, от нас обоих.

Алкоголь выветрился окончательно. Спать не хотелось. Нужно было понять, стоит ли пытаться в принципе ввязываться в эту историю с волшебной блондинкой. Мне хватало пережитого предательства жены, замутившей с моим бывшим партнёром по бизнесу. Нужно было с кем-нибудь поговорить, и я отправил Димону, приятелю и соседу, эсэмэску: «Спишь?». Он отозвался мгновенно: «Заходи».

Пару лет назад, когда я сам был шефом для пятидесяти раздолбаев в небольшой IT-компании, Димон работал у меня маркетологом. Не сказать, что он был моим постоянным советчиком – лично мы обсуждали редко. Я обычно пресекал попытки откровенничать дурацкими шуточками. Как-то он попытался познакомиться на одиночество и тут же напоролся на моё:

– Тебя окружают миллиарды микробов, а ты говоришь о каком-то одиночестве.

Он тогда крепко болел сразу в трёх смыслах: его бросила девушка, он простыл и пытался лечить первое и второе алкоголем.

Честно говоря, сегодня мне было слегка приторно от обилия розовощекой романтики и хотелось того, что я услышал, переступая порог его огромной холостяцкой берлоги.

– Здоров! Знаешь Василису с тринадцатого? Поднимаемся в лифте вместе, в грузовом. Она такая: «Какого ты пялишься на мой зад?!» А я ей: «Давно не видел, чтобы так шикарно сидели джинсы на таких габаритах».

– В лоб не прилетело?

– Обижает. Растаяла, как мороженка на сковородке.

– Ты уже в кондиции? – спросил я, заметив на столе пару пустых пивных бутылок.

– Первая стадия, – отозвался Димон, швыряя мне под ноги стоптанные шлёпанцы. – Пивка?

– Аск! – перешагнув через тапки и последовавшее за этим недовольство хозяина, я направился в кухню к холодильнику.

Холодильник у Димона был особенный. Около пятидесяти процентов двухсотлитрового пространства его «Боша» занимала постоянно

обновляемая коллекция пива и пивоподобных напитков — всяческих элей, сидров, портеров и прочих бутилированных продуктов брожения. С некоторых пор Димон возглавлял отдел продаж одной профильной по части такого алкоголя компании и, естественно, этим пользовался с большим удовольствием и вполне себе даже легально. Я достал бутылку «Гролша», чпокнул крышкой и уселся в любимое Димкино кресло. Это уже был перебор. Но к моему удивлению Димон не отреагировал, взял себе «Гиннеса» и сел рядом на табурет.

— Твари они все, — смачно сказал он, открыл бутылку краем ножа и отпил большим глотком сразу треть. — Понимаешь? В прямом смысле. Ведут себя как суки. Она мне говорит: «Ты меня не уважаешь». А за что мне её уважать, Андрюха? Я говорю: «За что тебя уважать?» Она мне: «За то, что я женщина». Прикинь! Я должен покупать ей тонны шмоток, кормить её, катать по курортам, терпеть её тупость, молчать, выслушивать и ещё, к чертям, уважать за то, что у неё дырка между ног. Прикинь! Не за то, что когда у меня проблемы, она как-то там поддержала или там поняла, когда мне хреново. Нет! Она меня ещё и добила, тварь: типа, сам, дурак, виноват, что тебя дураком сделали, потому что ты придурок. Понимаешь? И я её должен уважать? За что? За то, что она женщина? Охренеть! Это женщина? Такая должна быть женщина, Андрюх? Может, я чего не понимаю? По-моему, это какой-то двуногий паразит!

— Что случилось-то?

— Ты у меня когда был в последний раз... В мае? Нет, в апреле. Точно! Ты ж не знаешь... В мае я девчонку увёл у Васильева. Ну, ресторатор. У Гельдовича в Жуковке собирались. Алина Бельшина, модель. В общем, сошлись. Вот, месяц пожили вместе. Вчера уехала к маме. Попробовал, нахрен, семейной жизни. Секс так себе, визги и сопли, а больше ведь ничего, ни хрена. Упёрлась с подругой в Крым на неделю, ничего мне не сказала. Потом приехала как ни в чём не бывало. Типа так и надо. Пипец, короче! Главное, вначале столько песен было, прям котёнок. Потом чуть башку не откусила.

— Слушай, без обид, но, по-моему, ты как-то не там ищешь, — сказал я.

— А ты сам что такой загадочный?

— А я, кажись, тоже решил попробовать. Пришёл поговорить об этом, — сказал я несколько растерянно.

— Тебя я вообще не понимаю, — сказал Димон. — Тебе-то что нужно? К тебе подростки под дверь как на концерт ходят. Забыл прелести деструктивного поведения? Захотелось под каблук? Слишком спокойно живётся?

— Слушай, ну не все...

— Все. Именно все. В основе — биология вида, выживание. Выбор крепкого самца, который обеспечит, а она — на социал.

— Слушай, — я понял, что нужно менять тему. — Ты же любитель потренировать мозг?

— Ну!

— Я тут игру придумал. У меня в телефоне есть фото из интернета. На нём парочка. Такое счастье во все стороны. Смотришь на них, а потом рассказываешь, кто они, откуда, как познакомились. Типа твоя версия.

— Ну давай, развлеки старика.

Я вытащил из кармана айфон, открыл фото и положил аппарат на стол перед Димоном. Секунды три Димон молча таращился в экран, потом ткнул в него пальцами, увеличил изображение.

— Откуда это у тебя? — хрипло спросил он.

— Я же сказал. Из фейсбука. Какая разница?

— Это моя Алинка... А это, значит, типа её крымская подруга... Это ведь Вяхеревский сынок?

— А ты уверен, что это она?

— Это её любимый сарафан. Ну да, этого хмырёныша я в то утро видел. Во дворе.

— Так он совсем ещё пацан.

— А ты думаешь, сколько ей лет? Пацан... Ей самой двадцать один. Вчера, кстати, исполнилось. Вот тебе и история, брат.

Димон встал, шаркая шлёпанцами, дошёл до кухонного шкафа, открыл дверцу, достал бутылку виски и два бокала:

— Поехали в «16 Тонн»! Счастье, брат, это в конце концов обнаружить, что всю свою жизнь ты был женат на девушке своей мечты, а не жениться на девушке своей мечты, а потом в конце понять, что она никогда не была девушкой, а такой и родилась — тупой, жадной и похотливой бабой... Поехали, а?

— Сочувствую, но извини. Не сегодня, — я поднялся, взял со стола айфон, сунул его в карман. — Слишком много событий для одного дня. Пойду. Держись.

Дождаться лифта не стал, вышел на тёмную лестницу. На площадке между шестым и седьмым этажами было открыто окно. Я остановился. В небе над соседней девятиэтажкой висела полная луна. Какое-то необъяснимое разочарование накрыло меня вдруг. Я заставил себя прикрыть окно, увидел своё лицо в отражении, подмигнул и криво усмехнулся:

— Вокруг семь с половиной миллиардов людей, а ты думаешь о каком-то там одиночестве.

В кармане зажужжало. Я нехотя достал телефон. Это была эсэмэска от Насти: «Я знаю, кто на фото. Ты не поверишь! Я оказалась права!»